



**ИСТОКИ АРБИТРАЖА
НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ**





ИСТОКИ АРБИТРАЖА НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Проследить на Псковской земле, да и в России в целом, историю учреждений и судебных традиций, предопределивших создание арбитражного суда в XX в., нелегко. Процесс формализации процедур и обычаев по спорным коммерческим делам отражен в дошедших письменных исторических источниках очень избирательно.

Первоначально подобные споры решались на базе устных обычаев, и часто не требовали участия посредника либо судебного органа, подобного арбитражному.

Торговый суд и церковная юрисдикция

Бытует мнение, что институт специализированного «торгового суда» сложился довольно рано, т. к. находит отражение в древнерусских уставных грамотах. «И яз, князь великий Всеволод поставил есми святому Ивану три старосты от житых людей, и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякия дела Иванская, и торговая, и гостинная, и суд торговый», – гласит уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславовича, данная в 30-е гг. XII в. церкви Святого Иоанна Предтечи на Опоках.¹ В действительности, «управливати... суд торговый» означало право разбирательства дел по торговым спорам наряду с другими делами, а не учреждение особого специализированного судебного института.

Торговые дела всегда были тесно связаны с церковным судом. В этом отношении Псков долгое время был зависим от Новгорода, и судебную функцию от церкви осуществлял здесь в XIV–XV вв. владычный наместник.²

В ведении церкви находились торговые эталоны, что зафиксировано в уставе Владимира: «Еще искони уставлено есть и поручено св. епископом городские торговые весы и всякая мерила от бога...» (Волынская редакция), «Еще искони уставлено есть и поручено св. пискуплям городские и торговые всякая мерила и спуды, извесы, ставила от бога» (Синодальная редакция, XIII в., Новгород). Отдельная статья «О мерилех», восходящая к южнославянским или византийским текстам, встречается в некоторых вариантах такого законодательного памятника, как Кормчая книга.³

По мнению Я. Н. Шапова, статья 12 устава не только отдает на сохранение владыки «городские и торговые» меры, но и, «тем самым и пошлины с пользующихся этими мерами, ссылается на исконное божественное установление епископу «блюсти» их «без пакости», не уменьшать и не увеличивать и «дать слово» в день страшного суда в верности мер с той же ответственностью, как и за человеческие души».⁴

Также и в упомянутой новгородской уставной грамоте XII в. церкви Иоанна Предтечи на Опоках есть статья о весовом эталоне: «И даю святому великому Ивану, от своего великоимения, на строение церкви и в веки, вес воцаной» и уточнение к ней о месте хранения и использовании эталона: «А весити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дрѣжати; а весити старостам Иваньским, двема купцем пошьлым, добрым людем».⁵ Это право владения весовым эталоном давало церкви возможность выступать арбитром в торговых спорах, что обеспечивало одновременно и хороший доход.

Неизвестно, обладало ли какое-то церковное учреждение в Пскове правом хранить эталоны мер и весов и судить торговые дела. Новгородская традиция не была уникальной среди городов Руси: например, хранение равноправных эталонов гирь в русской и немецкой церквях в Смоленске упоминается в договоре с Ригой 1229 г.⁶ По аналогии с «ларем Святой Троицы» (местом государственного архива Псковской вечевой республики) можно предположить, что эталоны могли храниться в Пскове в Троицком соборе. Либо, если допустить тождественность места временной резиденции новгородского владыки в Пскове и места решения торговых споров, можно поместить это предположительное хранение на территорию Снетогорского монастыря. Однако в письменных источниках нет прямых указаний ни на одно, ни на другое.

Между тем, уже в Псковской судной грамоте происходит иной раздел юрисдикции (статья 109). В ведении церкви («судить наместнику владычню») оказывается суд над «церковными людьми», перечисленными еще в ранних уставных грамотах киевских князей Владимира и Ярослава (здесь: «попы и дияконы и проскурница и черньца и черница»). Если в тяжбе с одной стороны участвовал церковный человек, а с другой – «простой истец мирянин», дело переходило в юрисдикцию одного из видов суда господина Пскова: «то судить князю и посаднику с владычным наместником вопчи, також и судиям».⁷

Псковская судная грамота

Об одном из обычаев решать споры по торговым делам полюбовно, без участия судебных инстанций красноречиво свидетельствует 114-я (по нумерации Ю. Г. Алексеева) статья Псковской судной грамоты: «А кто с ким на пьяни менится чим, или что купит, а потом проспятся и одному исцу не любо будет, ино им разменится, а в том целования нет, ни присужати». Т.е. для расторжения сделки, совершенной в состоянии алкогольного опьянения, не только не требовалось судебное разбирательство, но даже не была необходима клятва или присяга.

В статье 14[11]⁸ Псковской судной грамоты о взыскании имущества по смерти того, кому оно было передано на сохранение («зблюдение»), поясняется, что это невозможно, если «зблюдение» не было оформлено записью или закладом и не упомянуто в завещании («рукописаньи»). К норме имеется интересное для истории становления прототипов арбитражного суда пояснение: «ино им не искати ничего ж, ни съсудиа, ни торговли, ни зблюдения ничего ж».⁹ Т.е. помимо «зблюдения» у наследников при тех же условиях нельзя было также взыскать долгов по ссудам и, что особенно важно, по торговле.

Это косвенно подтверждается и в статье 45[35]: «А кто имет сочит торговли, или поруки, или зблюдения или съсудиа, или выморшини бези-

Присяга-крестоцелование служила единственным способом доказательства невиновности в тяжбе с иностранцем («чюжеизземцем»), если тот обвинял псковича в нападении, грабеже, завладении чужим имуществом: «А которой чюжеизземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ишуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему у креста положит, чего на нем ишуть».¹³

Новгородско-немецкие торговые вопросы, в том числе касающиеся порядка торговли, качества товара, регламентировались таким соглашением, как Скра – устав купеческого сообщества Немецкого двора, а затем и всех городов ганзейской торговли. Отдельные грамоты, вошедшие в состав разных редакций Скры, упоминают и Псков.

Например, среди них есть договорная грамота Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами о торговле воском от 6 января 1342 г. В ней предписано «не брать от новгородцев воска с примесями, который был бы смешан с маслом или с желудями, или со смолой, или с горохом ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Юрьеве, ни в Риге, ни в Колывани, ни на Готском берегу. Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, каким бог его дает, с его собственной подсадой, таким, какой он есть... Новгородцам не брать воска с примесями ни от низовых, ни от корелов. А будет, что привезет кто-либо поддельный воск в Новгород и случится с ним что-либо из-за этого, то не жаловаться ему ни на кого, а только на самого себя».¹⁴

В дальнейшем, торговые споры вызывал способ проверки качества воска, а именно, его «колупание», которое иногда приводило к тому, что покупатель откалывал большой кусок воска «на пробу» и не платил за него. Для предотвращения конфликтов из-за пробного воска, в договоре Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом от 25 июля 1448 г. предписано было «в городе магистра в Ругодиве ругодивцам, весовщикам и печатникам, не откалывать воска нисколько у новгородских купцов, а можно только сколоть немного на пробу купцу, который этот воск у них торгует».¹⁵ В договоре Великого Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет от 13 января 1474 г. записано было: «воскъ юрьевцом колупати не помногу, по старыне, по крестному целованью... имати ...от сколового веса по деньзе».¹⁶

Доказательством невиновности по спорам о качестве товара также была присяга.

Возникает вопрос: какой же суд решал дела по торговле и имущественным спорам в Пскове? Псковская судная грамота упоминает пять видов суда: князя, посадника, веча, владычного наместника (церковный) и братчинный. Братчинный суд решал лишь вопросы, возникавшие в ходе братчинного пира. Церковный, возможно, разбирал торговые дела, но до введения статьи 109 ПСГ. В юрисдикции «княжего» суда находились кража со взломом, разбой, «наход» и грабеж. Разнесение прочих дел по видам суда в псковском законодательстве четко не определено и допускает различные обоснованные толкования. Структура Псковской судной грамоты, расположение статей и упоминание в некоторых из них посадников и господы, косвенно указывает на то, что дела по поземельному владению, взысканию долгов, вступлению в права наследования находились в руках вечового и посадничьего судов. Свою выгоду в некоторых из этих дел имел и князь, получавший долю с судебных штрафов.

Таким образом, по Псковской судной грамоте функции будущего арби-

тражного суда находились у обычных судов Пскова, которые разбирали и решали разные дела, в том числе и по имущественным вопросам, и по торговым сделкам.

В псковских летописях и частных актах удастся отыскать упоминания имён судей средневековой эпохи. Так, Мишко-судья назван свидетелем («послухом») в купчей грамоте XIV–XV вв. Григория и брата его Федора у Якова (и других) на землю и воду и прикупки их в Лисьях.

Л. М. Марасиновой удалось локализовать место «Лисья», о котором идет речь в историческом источнике. Оно упоминается в материалах писцового дела XVI в. как исад (т.е. рыболовецкое поселение) в Кулейской губе Завелицкой засады на Великом озере. Деревня Лисье и сейчас находится на небольшом полуострове на юго-западном берегу Псковского озера и хорошо известна псковским рыбакам.¹⁷

Значительным человеком в истории Пскова был судья Прокопий (Прокофий) – в 1443 г. он вместе с посадником «ездиша в Ригу ко князю местеру миру кончати; и докончаша мир на 10 лет», т.е. заключил мир на 10 лет с Ригой, а спустя год был отправлен послом «в Немцы в Выбор... к князю швейскому Карлу», чтобы выкупить посадника и его дружину.¹⁸ Посольские функции выполняли также псковские судьи Василий по прозвищу Луковица (в другом списке – «Луковка») и Кондрат. Благодаря деятельности последнего немцы отпустили в Псков тех псковичей, которых полонили на Колпине и на Нарове.¹⁹

Трагически закончилась жизнь одного из судей в годы псковско-ливонской войны: в 1463 г. «судию Оданя Сидора мечи иссекоша», «а он бился с ними крепко».²⁰

Суд по делам «сябров»

Своеобразной формой землевладения в Псковской земле было сябренное (коллективное) владение. По мнению Л. М. Марасиновой, в коллектив сябров-совладельцев объединялись крестьяне, ограниченные в средствах, покупавшие землю «в складчину». Внутри земельного владения участки были разделены по жеребьям.²¹ При решении спорных вопросов сябры (шабры) должны были являться на суд в полном составе, что невольно превращало судью в особого посредника-переговорщика между тяжущимися сторонами.

В статьях Псковской судной грамоты имущественные дела сябров противопоставлены «купецкому» и «гостебному делу». По мнению Ю. Г. Алексеева, это означает, что сделки сябров были мелкими в сравнении с «большой» торговлей купцов и гостей, и что сами имущественные отношения в этих общинах восходили к очень древним патриархальным порядкам. Поэтому они плохо стыковались с более современным правом, представленным в узаконениях Псковской судной грамоты.²²

При решении тяжб сябров о движимом имуществе («кто на ком учнет искать сябренного серебра», ст. 92[89]) учитывались устные договоренности, либо незаверенные сделки (так называемые «доски»), а окончательное решение принималось на основании присяги истца либо ответчика.

В спорах о сябренном владении земель или угодьями («ростяжуются о земле или о борти») особое значение имело представление в качестве доказательств купчих или «старых» грамот на владение землей, но допустима была и присяга («целованье»). Тяжбы сябров о земле решал суд веча, что следует из текста статьи 106[103] ПСГ: «грамоты пред господою покладут».²³

Сохранились частные акты на землю, связанные с сябренным владением. В ходе разбирательства по частным земельным спорам в XVII в. с этих доказательных документов делали списки, которые помещались в материалы дел. Например, до наших дней дошел текст «раздельной» грамоты Трофима с сябрами с Осипом и Федосом на земли на Камне второй половины XIV в.: «Се разделися Трофоме с сябри с Сипом и Федосом землю на Камне в укол. Досташася Трофиму полоса за Великою могилою, а от Великие могилы по Очхолимской путь да по заднюю Мелемьянову ниву... А на то послуи Артемеи Анфимовъ сынъ. А у подлинной харатейной данои печать свинцовая вислая, а на печати вображен образ знамения пречистыя богородицы». Раздел «в укол» означал деление земли на пай, на доли. В том же спорном деле была и «раздельная» грамота других сябров: старост церкви святого Георгия с Камня, старост монастыря святой Пятницы из Бродов, Игната Бритневича, Бориса Бармакинича, Федора Короткого, Ивана со свояками Никитой и Василием и всех сябров на землю на Камне второй половины XV в. Грамота сохранила информацию о разделе земли, проведенном в ныне существующем местечке Камно близ Пскова.



Печать Троицкая II пол. XIV в.
(к грамоте №5 сябров)



Погост Камно был некогда крупным населенным пунктом, многократно упоминался в летописях в связи с военной историей Псковской земли.²⁴

В спорном деле псковского помещика Микифора Караулова и Елизарова монастыря (существующего и сейчас в дер. Елизарово Псковского района) о землях по реке Толве (Толбе) сохранился

список «данной» грамоты сябров Великопольской земли старцу Евфросину и игумену Игнатию на землю под монастырь 1459–1465 гг. В нём говорится: «Се мы пожаловахом шабри Великополской земли над Толвои рекой и дахом своей земли уколомъ под монастырь храму святых Трои святитель Они те и Коклине да Настаха шабриная ихъ, да Юрьи, да Иване шабри их Ефросена старца и Игнатъя игумена... А та жалованная от шабровъ Ефросену старцу и всей обители Тресвятительского монастыря в одерень. А на то люди посадник псковский Максим Ларинович да Игнатей Иголка с торгу. А у подлинной данои печать свинцовая».²⁵

Судебные тяжбы псковских и европейских купцов

Несмотря на то, что по Уставу Всеволода торговые дела были отнесены к ведению церкви Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде, в договорах Новгорода с готским берегом отражения реальных специализированного торгового суда не наблюдается. Новгородцы договариваются о разрешении тяжб с европейскими гостями в случае убийств, «пошибания» и даже женской обиды, но оставляют торговые споры на суд местного права, не регламентируя их письменно. Например, об этом свидетельствуют такие акты, как Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде 1189–1199 гг., Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг., Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде 1269 г.²⁶ Для

Пскова, входившего в Новгородскую землю, как минимум, в XII – начале XIV вв., положения этих документов были актуальны.

Внешняя сторона ведения судебных споров с торговыми партнерами была хорошо продумана. Например, тяжбы принято было разрешать («кончать») в тех же местах, где они и были инициированы («где ся тяжа родит»)²⁷.

В проекте договорной грамоты 1269 г. Новгорода с Любеком предусматривалась возможность разбирательства, возможно, с элементом посредничества, в случае спора «гостей» с местными лощманами: «а поспорят...и не смогут они помириться, итти им на суд перед тысяцкими и новгородцами на двор святого Ивана». В том же документе упоминается и запрет «в погреб... сажать» должников (и причинять другие неудобства, к примеру, хватать за одежду и т.д.), и требование разбирать дела по долгам в суде, вызывая через пристава. Проект договора был призван и регламентировать процесс задержки имущества должника – задерживать товар разрешалось лишь на третий год, если долг не был погашен. Поручительство за недобросовестного плательщика, в том числе и поручительство жены, приводило поручителя в холопство. Долгие разбирательства и старые обиды также не поощрялись: «а будет ссора во время летнего поезда, то зимнему до неё дела нет».²⁸

Спорные дела часто возникали на Северо-Западе Руси между немецкими и русскими купцами, и они могли приводить к нежелательным международным военным конфликтам.

Например, в письме ливонского магистра Ревелю от 5 декабря 1411 г. сохранился перевод текста, в котором новгородцы просили князя Симеона Лугвения вернуться в Новгород из-за осложнений с Ливонским орденом: «Наши купцы приходили к нам и очень жаловались, что у них взято много товара и что Орден его взял в своей собственной земле; и также много старых распрей имеется между нами».²⁹

Для минимизации подобных угроз стороны прилагали усилия к разграничению судебной компетенции, что хорошо видно во всех договорах Новгорода с Готским берегом, с Любеком, с Ригой, с Ливонским орденом. Вопрос об урегулировании торговых споров и иных имущественных претензий был неременной составляющей этих договоров.

Примером тому служит Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о союзе против литовцев от 28 января 1323 г., обладающая еще одной интересной особенностью: ливонцы в ней дважды (ошибочно?) именуют псковским новгородского князя:

«А будет какое зло русским от нашей земли, то пошлют они туда, где зло случилось, своих послов, которые дело уладят полюбовно или по суду; а если тот, кто причинил зло, не захочет его возместить, то, что бы с ним дальше по этому ни случилось, из-за этого мира не нарушать. А будет какое зло нашей земле, и нам послать своих послов туда, где оно случилось, и они уладят дело полюбовно или по суду; а если не будет так, и даже если вина будет установлена, из-за этого мира не нарушать».³⁰

Таким образом, по данным материалов внешнеполитических актов Новгорода и Пскова, выделяется два вида улаживания конфликта между представителями разных сторон договора: мировой (полюбовный) и судебный. В обоих случаях на место происшествия высылался посредник. Речь в этих документах не обязательно шла о торговых делах, однако, как показывает история взаимоотношений, в конфликтные ситуации чаще всего попадали

либо купцы, либо находившиеся на приграничных территориях промысловики.

Подобные судебные дела в мирные годы действительно происходили, о чем свидетельствует, например, более поздняя грамота Великого Новгорода городу Колывани (т.е. Таллинну) с требованием суда над Иваном Амбуром по жалобе на него новгородца Кузьмы Ларионовича (не позднее 1439 г.). Участники спорного дела – купцы, один из которых взял у другого в Нарве («на Ругодиве») товар: соболей, тройнич и камку, но не выполнил своих обязательств, не отдав обещанные в ответ солод, жито и пшено. Новгородцы просят посадника и ратмана колыванских «дать управу... по крестному челованью».³¹

По условиям договора 1434 г. Новгорода с литовским князем Свидригайло представительная депутация купцов ездила в Новгород разрешить все

торговые споры, мешавшие заключению соглашения. А в 1436 г., когда Новгород заключал договор с ганзейскими городами, было объявлено нечто подобное амнистии по торговым претензиям.³²

По Договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом 25 июля 1448 г. предписаны были «И князю магистру и его комтурам, честным людям, Великому Новгороду исправу дать по всем обидным делам, по крестному целованию. И князю Александру Васильевичу и посадникам Великого Новгорода князю магистру исправу дать по всем обидным делам, по

крестному целованию». В дальнейшем запрещалось задерживать гостей и купцов, даже если в пограничье у них случилась тяжба. Обязательным требованием в договоре было «истцу знать своего истца», причем это повторялось дважды, видимо указывая на то, что жалобщики далеко не всегда запоминали своих обидчиков, и указывали на абстрактных немцев или псковичей, затрудняя работу суда.³³

Предшествовало этому договору перемирие 27 февраля того же года, по которому также предполагался съезд на реке Нарове для разбора разнообразных жалоб: по 200 человек «честных людей» с каждой стороны. Планировалась «исправа всимъ обиднымъ деламъ и купечкымъ товаромъ, и нятцомъ на обе половине, и по крестному челованию».³⁴

Аналогичные съезды практиковались и прежде. В *Chronicon Livoniae* (Ливонской хронике) Герман Вартбергский упоминает, что в 1371 г. «магистр ливонский со своими орденскими чинами, епископ дерптский Иоанн со своими канониками, имели съезд с викарием и пробстом Риги, вассалами обеих сторон, ратманом любекским, Иоанном Шепенстеде, равно как и другими немецкими купцами и важными высокопоставленными русскими,



Троицкий собор конца XV начала XVI в. Рис. Ю.П.Спегальского

как из Новгорода, так и Пскова, перед замком Фрауэнбургом, принадлежащим дерптскому епископу».³⁵

Предметом переговоров на данном съезде были границы и «прежние спорные дела». Ливонский источник отмечает, что они «ради дорогого мира, простили русским все причиненные ими до начала войны несправедливости и убытки». Помимо этого «великодушного» прощения магистр также компенсировал злоупотребления ливонцев, вернув имущество русских купцов, которое было задержано в ходе войны.

Новые установления, приводившие к имущественным спорам между участниками торговли, возникали по мере развития экономических и политических отношений. Так, в договоре Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом 25 июля 1448 г. вместо «старого обычая» свободной купли-продажи лошадей появилась статья: «А кто по старому обычаю купит лошадь в Колывани, взять тому грамоту в замке и от грамоты дать фердинг. А если у кого лошадь устанет или падет, то он может купить в стране лошадь без грамоты. Ее он должен показать судье в Ругодиве и дать [ему] от лошади фердинг. А если лошадь крупная, и судья не станет ее отпускать, то новгородцу взять с судьи те деньги, которые он дал за лошадь и судье взять лошадь; а без денег судье лошади не брать. А поедет он мимо города и не предъявит лошади судье, и отберут у него лошадь, то лошадь пропала».³⁶ По мнению А. Г. Рагунштейна, к появлению этой нормы привели участвовавшие случаи спекуляции краденными лошадьми, похищенными на псковско-ливонском приграничье. Эта статья получила развитие в договоре Новгорода и Ливонского ордена 1481 г., где уже запрещалось конфискация ворованного коня.³⁷

Неудивительно, если эта переусложненная норма приводила впоследствии к накоплению взаимных претензий купцов. Об одной из таких жалоб XV в. – о конях, переданных в Колывани на сохранение и оказавшихся, как будто бы, украденными, свидетельствует псковская грамота, найденная в 2002–2003 гг. на чердаке Таллинской ратуши.³⁸

Определение условий разбирательства споров по торговым делам стало отдельной статьей договорной грамоты Великого Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет 13 января 1474 г.:

«А кому с кимъ супълетка есть о торговли, или о суде, или о поруце, или о иномъ о какомъ деле с которое стороны, тому исправа давати на обе стороне, по крестному целованью. А новгородцомъ и псковичомъ судити немъчина, какъ и своего, право, безъ хитрости, своею пошлиною, по крестному целованью; а немъцомъ судити новгородца и псковитина своею пошлиною, какъ и своего немъчина, право, безъ хитрости, по крестному целованью».

³⁹ То есть, спор или дело («суплетка», термин встречается и в Псковской судной грамоте), в том числе о торговле и о поруке, решались по законам той земли, на которой находились тяжущиеся. Местное законодательство по торговле, видимо, было вполне удовлетворительным для договаривающихся сторон. В Псковской судной грамоте отдельные статьи 105[102] и 104[107] регламентировали судебные доказательства в тяжбе с «чюжеземцем» и взыскание долгов в валюте (в пфеннингах – «пенезех»)⁴⁰.

Постоянное повторение выражения «по крестному целованию» («крестному челованию») указывает на главный вид доказательства, который применялся в спорах по торговым обидам – это присяга. Это узаконение вполне соответствует статьям Псковской судной грамоты, а позже – Судебника 1497 г.

Парадоксальная ситуация воцарилась в русско-ганзейской торговле в 90-е гг. XV вв. Номинально она почти прекратилась из-за обострения отношений в результате закрытия немецкого двора в Новгороде и ареста находившихся там ганзейских купцов 6 ноября 1494 г., а также по решению ганзейского съезда 1495 г. в Любеке. Фактически же, по данным западноевропейских источников, Псков, Нарва и Дерпт стали ареной так называемой «необычной торговли» («*ungewonlicke kopenschopp*»), т.е. нелегальной, обходной коммерческой деятельности в обход ганзейских санкций. Это было возможным в течение недолгого периода до 1510 г., т. к. Псков после присоединения Новгорода к Москве оставался формально как будто бы непод-



Ганзейский союз

судным для внешнеторговых запретов со стороны государя московского. Формально псковские и новгородские купцы продолжали действовать на псковско-ливонском пограничье на основании не отмененного торгового договора 1487 г., который с русской стороны в свое время был утвержден именно представителями Новгорода и Пскова, а также псковско-дерптского мирного договора 1493 г.⁴¹

При этом собственную ганзейскую контору Псков не открыл, и насколько успешно эволюционировал за это время

в городе торговый суд, сказать невозможно. Как установила М. Б. Бессуднова, первое упоминание о немецком берегу в Пскове в ливонских документах датируется 1498 г.⁴²

После присоединения Пскова к единому русскому государству торговые отношения с соседями и внутри страны регулировались московским законодательством.

Судебник 1497 г. содержал статьи «О торговцах» (ст. 46) и «А кто купит на чужей земли что» (ст. 47), разъясняющие особенности купли-продажи и алгоритм действий по расторжению сделки. В доказывании добросовестного приобретения вещи в эту эпоху первостепенное значение имели показания «людей добрых». В статье 55 «О займах» дела об утраченном купеческом добре решали боярин и дьяк великого князя. Это подтверждалось статьей 90 Судебника 1550 г. Статья 58 Судебника 1497 г. «об иностранцах» относил решение спорных дел между иноземцами на суд устного права: спор решался принесением клятвы или полюбовно.⁴³

Судебник 1550 г. особо подчеркивал отнесение торговых дел к государственной, а не церковной юрисдикции. Согласно ст. 91. «...торговым людям городским в монастырей в городских дворах не жити, а которые торговые люди учнут жити на монастырях, и тех с монастырем сводити да и наместником их судити». То есть указывалось на необходимость выселения торговых людей из монастырей и передачи их дел на суд наместника.

Споры по торговым делам согласно Соборному уложению 1649 г., судя по всему, должны были рассматриваться обычным судом. Статья, которая

может квалифицироваться как узаконение о торговых и разбойных делах, была помещена в общую Главу X «О суде»: «А будет кто учнет с кем торговати сложася, и один из них товарищъ поедет куды з деньгами или с товарами для торговли в отъезд, и на дороге его воры розобьют, и товары и деньги поемлют у него без остатку, а товарищъ его тех товаров и денег своей половины учнет на нем искати судом и с суда будет сыщется про то допряма, что его розбойники розбили и товары и деньги поимали без остатка, и товарищу его тех товаров и денег на нем править не велеть потому, что ему такое разграбление учинится по невольному случаю. А будет сыщется, что розбойники на него приезжали, а животов ничего не взяли, и тот иск на виноватом доправить и отдать исцу». То есть пояснялось, что в случае непредсказуемых потерь – например, в результате нападения разбойников, члены торгового сообщества не должны были пытаться компенсировать убытки за счет неудачливых товарищей.⁴⁴

Окончательно система судебных сношений с иноземными купцам была оформлена Новоторговым уставом Алексея Михайловича Романова 1667 г., в составлении которого огромную роль сыграл уроженец Псковской земли Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин.

Согласно Уставу, лучшие выборные из торговых людей должны были действовать в качестве голов и целовальников, всемерно содействуя обереганию «прежних постановленных государственных указов в целости», а также «ко всякой государственной зборов таможенных прибыли и к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид».

Целью введения Устава была защита отечественной торговли, искоренение привилегий иностранных купцов, незаконных подрядов, упорядочение системы взимания торговых пошлин. Кроме того, устав предлагал создание единого приказного учреждения для «купетцких людей», поскольку волокита вредит их делам, а ее устранение принесло бы «великого государя казне... в пошлинах немалое пополнение» (ст. 89).⁴⁵

Было бы преувеличением сказать, что уже в XVII в. головы и целовальники становились посредниками в торговых делах, предопределившими создание арбитражного суда в будущем. При этом очевидно, что появление торговых уставов стало значительным шагом на пути к созданию специализированных судов, последовательно подготовившее представление об особом положении имущественного права среди других отраслей судебного делопроизводства.



Русский царь Алексей Михайлович Романов, сын первого царя династии Романовых Михаила Федоровича

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уставная грамота Новгородского князя Всеволода Мстиславича // Памятники по истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина, изд. Н. Н. Ключкова, М. 1909. Цит. по: Хрестоматия по истории СССР. Том 1 / Сост. М. Н. Тихомиров. М., 1949. № 55.
- ² Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. С. 43.
- ³ Там же. С. 31, 38, 85.
- ⁴ Там же. С. 81.
- ⁵ Уставная грамота Новгородского князя Всеволода Мстиславича // Указ. соч. М., 1949. № 55.
- ⁶ Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII–XV вв. / Под ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. С. 67, 82; Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 84.
- ⁷ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: «Возрождение», 1997. С. 47.
- ⁸ В оригинале статьи Псковской судной грамоты не имеют нумерации. Разделение текста осуществлялось исследователями различными способами, исходя из логики повествования, грамматической структуры фраз. В нашем обзоре приводится двойная нумерация по наиболее современному изданию – книге Ю.Г.Алексеева «Псковская судная грамота» (1997 г.).
- ⁹ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. С. 38.
- ¹⁰ Там же. С. 69.
- ¹¹ Там же. С. 62, 67.
- ¹² Там же. С. 46, 80.
- ¹³ Там же. С. 46. Ст. 105[102].
- ¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка (ГВНП). М.: Изд. АН СССР, 1949. № 41. С. 70–73.
- ¹⁵ ГВНП. № 73. С. 122.
- ¹⁶ ГВНП. № 78. С. 135.
- ¹⁷ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.: Изд. МГУ, 1966. № 19. С. 60, 112–113.
- ¹⁸ Псковская 1-я летопись. Тихановский список // Псковские летописи. Вып. 1. Сост. А. Насонов. Ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 46–47.
- ¹⁹ ПЛ. Тихановский список // Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 68.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ Марасинова Л.М. Указ. соч. С. 126.
- ²² Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 78.
- ²³ Там же. С. 45–46, 78, 81.
- ²⁴ Марасинова Л.М. Указ. соч. № 5. С. 49–50, 68–69.
- ²⁵ Марасинова Л.М. Указ. соч. № 23. С. 61–62.
- ²⁶ ГВНП. № 28–31. С. 55–58.
- ²⁷ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг. // ГВНП. № 29. С. 56–57.
- ²⁸ Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде // ГВНП. № 31. С. 60–61.
- ²⁹ Грамота Великого Новгорода князю Симеону Лугвению с предложением ему вернуться в Новгород из-за осложнений с Ливонским орденом // ГВНП. № 52. С. 90.
- ³⁰ ГВНП. № 37. С. 66–67.
- ³¹ ГВНП. № 69. С. 114.
- ³² ГВНП. № 63, с. 105–106; № 67, с. 112.
- ³³ ГВНП. № 73. С. 119–122.
- ³⁴ Договорная грамота Великого Новгорода с Ливонским орденом о пятилетнем перемирии и о съезде на реке Нарове для разбора жалоб. 21 февраля 1448 г. // ГВНП. № 72, с. 117.
- ³⁵ Ливонская хроника Германа Вартберга // Чехихин-Ветринский Е.В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II. Рига, 1879. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Hermann_Wartberge/frameset3.htm (Дата обращения: 1.03.2017).
- ³⁶ ГВНП. № 73. С. 122–123.
- ³⁷ Рагунштейн А. Г. Регламентация немецкой торговли на Руси в XII–XV вв. (на примере Великого Новгорода) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 1 (29). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-nemetskoy-torgovli-na-rusi-v-xii-xv-vv-na-primere-velikogo-novgoroda> (Дата обращения: 1.03.2017).
- ³⁸ Соколовский В., Белецкий С.В. Псковская грамота XV в. из археологических раскопок в Таллинне // Псков в российской и европейской истории, Междунар. науч. конф.: в 2-х тт. Т. 1. М.: МГУП, 2003. С. 138–143; Рагунштейн А. Г. Указ.соч.
- ³⁹ ГВНП. № 78. С. 134–135.
- ⁴⁰ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 46, 81.
- ⁴¹ Бессуднова М. Б. К вопросу о торговле Пскова с Дерптом в 90-х гг. XV в. (по ливонским источникам) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 71–72.
- ⁴² Там же. С. 74.
- ⁴³ Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1952. С. 19–21.
- ⁴⁴ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во МГУ, 1961. С. 157.
- ⁴⁵ Новоторговый устав // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986. С. 117–136.